

Рубрика «Визуальная социология» имеет своей целью введение в оборот социологии фотографии как социально релевантной визуальной информации. В данном случае подразумеваются прежде всего не иллюстративные или документальные возможности фотографии как фотодокумента, а скорее фотография как основа для последующего раскрытия социальных смыслов презентуемого социокультурного контекста, и в этом плане мы намерены обращаться к разным культурам и временам. Поэтому предполагается публикация содержательно не однолинейных фотографий, дающих возможности для социальной рефлексии путем перевода визуальных элементов в определенную текстуальность. Концептуальные позиции авторов интерпретации могут демонстрировать приверженность различным парадигмам: этнография, антропология, этно-методология, конструктивизм и т.д. Каждая интерпретация открывает свои методические подходы к анализу визуального материала, провоцируя на дискуссию об изображении как отношении содержания и формы. Читатели приглашаются разделить процесс со-творчества и присылать свои интерпретации, а также фотографии.



Визуальная социология

Фотография из семейного альбома

Елена Мещеркина

Эта фотография¹ – из семейного альбома, судя по дате, она сохранилась, пройдя естественный отбор временем и необходимостью объединить в альбоме самые ценные воспоминания частной жизни. Как можно представить, альбом открывают, чтобы напомнить себе и близким, какими мы были и кем стали. И если фотография выживает, сохраняется, она приобретает для нас ценность как личный документ процесса идентификации длиною в жизнь. Исходя из этого, мы и выбрали для анализа эту фотографию, которая на первый взгляд вне-индивидуальна, стереотипна по жанру коллективных фотографий, бытовавших во множестве в альбомах советской эпохи (снимки на память по окончании школы, университета, группы курортников, выезда на картошку и т.д.). Почему может быть ценна такая фотография?

Строго говоря, перед нами визуальное изображение, растиражированная фотографом подпись «Сочи, сан. «Красная Москва». Физгруппа 5.3.57, 2 в», а также подпись, сделанная от руки, но к ней мы вернемся позже. Проанализируем все три компонента отдельно. Во-первых, парафраз визуального изображения представляет собой коллективную фигуру, напоминающую спортивные конструкции 20–30-х годов; на шведской стенке спортивного зала расположились улыбающиеся женщины среднего и выше возраста, фигуры и одежда которых далеки от спорта. Они выстроены, словно по линейке, с динамичным эффектом ритмичного спуска. Очевидно, что эта выстроенность коллективной фигуры имеет автора – женщину в медицинском халате, которая стоит в углу, наблюдая за происходящим. Теперь мы можем задаться вопросом, а кому может принадлежать этот конкретный снимок? И мы не сможем ответить, поскольку условием снимка является *невыведенность* индивида из массы.

Во-вторых, смысл растиражированной подписи подтверждает «медицинско-курортный» повод для фотографирования. Эти женщины действительно занимаются оздоровительной физкультурой, что заведомо предполагает коллективную форму ее проведения, коллективно переживаемый опыт. Это и находит отражение в жанровой и динамичной конструкции фотографии. В таком случае мы и не стали бы задаваться вопросом, кто же здесь на фотографии хранитель снимка, не будучи в гостях у этого человека.

Но на фотографии есть персональный след, подпись от руки «После реабилитации. 57 год». И вот здесь уже возникает игра смысла, которая может ускользнуть от читателя, знакомого с термином «реабилитация» лишь в медицинском контексте. Собственно, эта нерасшифровываемая лексическая форма может выполнять и охранительную функцию... А охранять, очевидно, есть что, – реабилитировали в те и предшествующие годы в том числе репрессированных, кстати, по 57-й статье. Теперь, при условии наложения этого последнего смысла, фотография начинает приоткрывать совершенно другой горизонт истолкования. Изначальная индивидуальная невыведенность, которую несет жанровая

¹ Фотография из архива Евгении Головня и печатается с ее разрешения, за что мы приносим свою благодарность.

форма фотографии, причем сделанная в сугубо советское время, становится приобретаемой, возвращенной ценностью. Один персонаж из череды улыбающихся лиц в запечатленном коллективе имеет опыт отчуждения, изгнания с клеймом «враг народа», а также существования в другой, лагерной массе. И если ей повезло, она выжила, – более того, реабилитирована, более того, может вновь влиться в ряды коллектива в ситуации социально престижной формы отдыха, – важна ли индивидуальная выделенность?